

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Заметки натуралиста к „Слову о полку Игореве“

1. Бегство Игоря из плена

Описанию побега Игоря из половецкого плена в „Слове о полку Игореве“ предшествует так называемый плач Ярославны. Повидимому, эта часть „Слова“ возникла в замысле автора, как последний стимул, заставивший Игоря решиться на побег.

О месте пребывания Игоря в плену только Ипатьевская летопись сообщает конкретные данные: „И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: «переѣди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ»“ (стр. 226). В. Татищев в „Истории Российской“ (кн. III, 1774, стр. 270) сообщает, что Игорь был в плену не у Тора, а где-то вблизи Донца. Однако, убедившись в большой точности данных „Слова“, я считаю, что Игорь пребывал в плену в местах зимних кочевий половцев на побережье Азовского моря, а не вблизи р. Тора или Донца. Целый ряд высказываний „Слова“ говорит за то, что Игорь жил вблизи моря. Например фраза: „вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону, плещучи“, повидимому, отражает наблюдения автора „Слова“ во время пребывания в плену. Есть ряд данных о том, что „землей Трояней“ могло быть Приазовье. Здесь, недалеко от г. Осипенко (Бердянска), в древности был город Троян, существующий и в настоящее время в виде районного центра Трояны.¹ „О! далече зайде соколь, птиць бя къ морю!“. Как я выяснил в одной из предыдущих работ, речь идет о соколах, следующих за стаями уток, зимующих на Азовском море.²

Выражение „прысну море полунощи“ тоже говорит о том, что свой побег Игорь начинал откуда-то, где вблизи было море. Особенно показательна фраза: „Игорь мыслию поля мѣрить от великаго Дону

¹ По свидетельству А. В. Лонгинова („Слово о полку Игореве“. Одесса, 1911) средневековый арабский географ Едризид в своем атласе поместил Трою между Днепром (Данаприс) и Доном, вблизи Куманин, т. е. Половецкой земли.

² Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Тр. ОДРА, т. VI, 1948.

до малаго Донца“. Ведь если бы место пребывания Игоря в плену находилось где-либо вблизи Тора, незначительного притока Донца, или вблизи самого Донца, то не волновали бы Игоря мысли о пути от Дона до Донца, и путь на родину не представлял бы особых трудностей.

„Слово“ и летопись не содержат конкретных сведений о времени побега Игоря. Основываясь преимущественно на фенологических данных, отраженных в „Слове“, я предполагаю, что побег произошел через год после пленения,¹ в мае, возможно в начале июня 1186 года. Другие исследователи полагают, что Игорь бежал осенью того же года, когда попал в плен. В последнее время В. В. Данилов² пытался даже подкрепить свою гипотезу фенологическими сведениями из „Слова“.

О длительности пребывания Игоря в плену косвенные указания дает Ипатьевская летопись. Половцы предоставили своему пленнику большую свободу и разрешили ему охотиться: „гдѣ хочеть, ту ѣздышетъ и ястребомъ ловяшетъ“. Сопровождавшие его 20 сторожей, среди которых было пять „господидичев“, скорее были почетным конвоем, так как беспрекословно исполняли приказания Игоря. Надо полагать, что половцы не предоставили бы таких льгот своему пленнику, виднейшему врагу, вскоре после его плена. Далее в Ипатьевской летописи и в „Истории российской“ В. Татищева (1774, кн. III, стр. 269) упоминается, что Игорь вызвал к себе с Руси „попа со святой службой“. Это тоже свидетельство длительности пребывания князя в плену. Несомненно Игорь должен был хорошо „обжиться“, чтобы получить такую свободу действий.

В. В. Данилов пытается найти подтверждение своей мысли о побеге Игоря осенью в фразах: „прысну море полунощи; идуць сморци мглами“. Однако смерчи или сморци, как они названы в „Слове“, или сморчи, как их и ныне еще называют кое-где на побережьях наших южных морей, образуются только в жаркое время года, чаще всего весной или в начале лета, преимущественно в после-полуденные часы.³ В осеннюю пору смерчей не бывает. На Украине смерчи наблюдаются главным образом на юге, на побережьях морей или на морях. Там, где проходят смерчи, достигающие у нас лишь незначительных размеров, „море волнуется, как бы кипит вследствие сильного разрежения воздуха“.⁴ Отсюда выражение в „Слове“ „прысну море“. Смерчи — вихревые движения сильно нагретого воз-

¹ Н. В. Шарлемань. Природа в „Слове о полку Игореве“. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и статей. Изд. АН СССР, 1950, стр. 216—217.

² В. В. Данилов. Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“. Там же, стр. 206.

³ На Волыни сморчем называется гриб-сморчок (Гринченко. Украинско-русский словарь). Впрочем смерч и сморчок происходят от одного корня (А. А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. 2 изд., Харьков, 1914, стр. 114).

⁴ Проф. В. Н. Оболенский. Основы метеорологии. Сельхозгиз, 1933, стр. 304.

духа или воздуха и воды на море. Ночью смерчи не возникают.¹ Поэтому слово „полунощи“ указывает не время, а направление прохождения смерчей (к) „полунощи“, т. е. к северу.² Старый боцман, перевозивший меня в конце мая с острова Джарылгача на Черном море в порт Скадовск, указывая на смерч, двигавшийся с юга к северу, говорил, что „сморчи“ или „столбы“ всегда идут с моря к берегу. То же утверждение я слышал и на Азовском море, на Белосарайской косе. Если даже отбросить эти единичные расспросные данные, как не типичные, то все же можно предполагать, что случай, когда Игорь видел движения смерчей к северу, он воспринял как указание пути „изъ земли Половецкой на землю Рускую“. „Идутъ сморци мѣглами“ — значит, что смерчи „выходят из темных низких туч, сходных с грозowymi“.³ В тексте „Слова“ нет и намек на морские штормы, дожди и туманы, о которых пишет В. В. Данилов. Выражение из летописи: „Не угодися ему время таково, какого же искашеть“ вовсе не говорит о том, что Игорь ждал осенних ненастий, он попросту ждал благоприятной погоды.

Далее, в „Слове“ находим такое выражение: „Влуръ вльком потече, труся студеную росу“. Влур, как проводник, шел, конечно, впереди, поэтому ему пришлось принять на себя росу. Здесь мы видим метафору и вместе с тем реальный образ. Так, отряхивая с травы и кустов росу, трусдой бежит на рассвете волк, возвращаясь с ночной охоты на логово. Роса выпадает на предметы из прозрачного воздуха в очень прохладные ясные ночи. Наиболее обильна она на юге вблизи моря. Прохладные, а порою холодные ночи, на юге Украины нередко наблюдаются в конце весны или в начале лета. Осенью в дождливую или туманную погоду росы не бывает. Сильная роса признак хорошей погоды.⁴ И действительно, во время бегства стояли жаркие дни. Об этом говорит Игорь в своем обращении к Дону: „делевшу князя на вльнахъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подь сѣню зелену древу“. В холодную пасмурную погоду Игорь вряд ли купался бы и отдыхал на траве на открытых берегах реки.

Когда днем жарко, а ночью прохладно и даже холодно, то это признак длительной ясной и сухой погоды.⁵ Выражаясь современным техническим языком, в районе Донца в то время стационарировал антициклон. Для конца весны и начала лета на юге Украины характерно

¹ Там же. — В статье „Из реального комментария“ (стр. 216) я, подобно многим комментаторам, совершил ошибку, утверждая, что побег Игоря совпал в полночь с бурей и смерчами. Правильно это место читал А. А. Потехня: „прысну море; полунощи идут смерчи“ (ук. соч., стр. 140).

² Это толкование предложил еще Д. Дубенский („Слово о полку Игореве“, М., 1844, стр. 224), а за ним А. А. Потехня (ук. соч.) и В. Перетц. „Слово о полку Игоревім“. Київ, 1926. — Позднейшие комментаторы его забыли.

³ В. Н. Оболенский, ук. соч.

⁴ Н. В. Колобков. Погода и ее предсказание. ГИЗ, 1950, стр. 48.

⁵ Там же.

длительное пребывание азорского максимума. Такой погоды и ждали Игорь и его проводник. Овлур, конечно, не повел бы Игоря осенью в дождь и туман, когда почва в степи часто размокает и становится труднопроходимой, а порою и совершенно непроходимой, когда по следам на размокшей земле легко обнаружить беглецов, а главное — в степи трудно прокормиться. В конце весны почва в степи быстро подсыхает, реки и ручьи входят в берега, а в пойме рек, в зарослях берегов и „подов“ в прежнее время можно было найти в большом количестве нелетных молодых и линяющих старых уток, гусей и лебедей. Вспомним, что линные гуси и в наше время еще недавно являлись основным продуктом питания некоторых народов севера, например на островах Вайгаче, Колгуеве, Новой Земле. Упоминание о том, что Игорь „полете соколомъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинъ“, хотя и метафора, однако она содержит в себе и реальные данные; ее надо понимать так: беглецы „избивали“ (возможно простыми палками) нелётных гусей и лебедей. В. В. Данилов пишет: „гуси и лебеди — не местные жители наших южных широт“. Это неверно — в XII в. да и позже гуси и лебеди гнездились в несметном количестве не только на севере, но и на юге. Немного более двухсот лет спустя после Игорева похода, в 1339 г. митрополит Пимен, плывя на судах по Дону в Царьград, встречал множество диких животных, ныне исчезнувших в этих местах, в том числе гусей и лебедей.¹

Еще позже, в первой половине XVI столетия литовский дипломатический агент Михайло Литвин² видел на Украине по дороге в Крым огромное количество диких животных, особенно птиц. „Птиц такое поразительное множество, — пишет он, — что весною мальчишки наполняют лодки яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей, а потом их птенцами наполняют птичники“. Даже в наше время серые гуси и лебеди-шипуну продолжают гнездиться на Украине.³ Обилие дичи и дало возможность Игорю и его проводнику прокормиться в течение довольно продолжительного путешествия. В осеннюю пору вся дичь,

¹ Хождение митрополита Пимена в Царьград. ПСРА, т. XI, 1897, стр. 95.

² Michalonis Lituani. De moribus tartarorum, lituanorum, et moscorum, 1550. Пер. в „Мемуарах, относящихся к истории Южной Руси“ (вып. 1, Киев, 1890, стр. 90).

³ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Тр. ОДРА, т. VI, 1948, стр. 118; Птицы УРСР. Изд. АН УРСР, 1939, стр. 194; О гнездовании лебедя-шипуну на Украине. Природа, 1950, № 8, стр. 69. — Из пяти упоминаний лебедей в „Слове“ три первых относятся к кликуну, по-украински — скрипуну, бывающему на Украине на пролетах и на зимовке на Черном море, а два последних упоминания относятся, по-видимому, к лебедю-шипуну, по-украински — шовкуну, в незначительном количестве гнездящемуся у нас, а в древности гнездившемуся в огромном количестве. А. А. Потенция („Слово о полку Игореве“. 2 изд., 1914, стр. 151—155) уделил большое внимание лебедям, в частности лебединому крику „пению“. Видное место занимают лебеди, а отчасти дикие гуси, в казачьих думах (М. Максимович. Украинские народные песни, 1834).

как говорят охотники, была бы „на крыле“, и добыча ее для беглецов представляла бы большие затруднения.

Остальные зоофенологические данные этой части „Слова“ вполне соответствуют весне, а не осени. „Веселые песни“ соловьев на рассвете, „текот“ дятлов (судя по местонахождению так называемых седых дятлов — *Geisus capus* Gm.), ползание полозов, чайки, встречающие криком приближающегося человека¹ — все говорит о весне, о брачной поре в жизни птиц и змей. „Соловии“, которые „веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ“ — центральная фигура в этой чудесной картине весны. Эта фраза не может быть отделена от описания побега. Молчание сорок, ворон и галок, повидимому, тоже свидетельствует о весне. Занятые своими семьями, эти птицы держатся обособленно, в то время, как осенью они собираются в стаи, и тогда громкими криками встречают и зверя и человека, укрывающихся в зарослях. К тому же врановые птицы в наших южных широтах заметно малочисленнее, чем в северных. Особенно многочисленны сороки и серые вороны в долине Десны. Их повадки Игорь хорошо знал. Вот почему он боялся встречи с ними, вот почему их молчание отмечено в „Слове“, как благоприятное для побега обстоятельство.

Перечисленные в „Слове“ птицы и змей-полозы деятельны только днем. Таким образом, отмеченные в „Слове“ предельно точные и реальные наблюдения говорят за то, что побег происходил в основном днем, а не „темными длинными ночами“, как полагает В. В. Данилов. Начав побег в полночь, беглецы в течение двух первых суток проскакали на лошадях по открытой степи, повидимому, до „луга Донца“. Луг густой, урѣмный лес служили беглецам надежным прикрытием. Еще А. А. Потемня,² а позже В. Н. Перетц,³ указывали, что слово „луг“ на древне-русском языке имело значение поѣмного леса, как и на современном украинском языке. У М. А. Максимовича⁴ можно найти немало доказательств того, что „луг“ — синоним леса, точнее поѣмного леса — уремы: „Не сиза зозуленька (кукушка. — *Н. Ш.*) в темному лузі кувала“ сказано в одной из казацких дум, или — „Ой не шуми, луже, дібровою дуже“, поется в бурлацкой песне. Не открытое пространство — травянистый луг (по-украински лука), а урѣмный лес мог служить укрытием для беглецов. Об этом говорит Игорь в своем обращении к Донцу: „одѣвашу его теплыми мглами подѣ сению зелену древу“.

¹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария... , стр. 113. — Пользуясь случаем объяснить Л. А. Булаховскому („Слово о полку Игореве“ как памятник древне-русского языка“. („Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и стат., 1950, стр. 144), почему я считаю слова „чайцами на струях“ относящимися к русской чайке (*Larus*), а не к украинской и польской чайке (*Vanellus vanellus* L.). Дополнение „на струях“ может относиться только к чайке *Larus*, так как украинская „чайка“ — *Vanellus* держится не на воде, а на суше — на лугах, в степи и т. д.

² Уж. соч., стр. 142.

³ Володимир Перетц. „Слово о полку Игоревім“. Київ, 1926, стр. 314—315.

⁴ М. Максимович. Украинские народные песни. М., 1834.

И в наше время пойма Донца местами покрыта густыми зарослями ивы, тополей, дуба, крушины, калины, перевитых ежевикой, хмелем, красным паслёном и проч. Пешие беглецы, конечно, не могли бы быстро пробираться в таких зарослях в ночную пору. Их передвижение нельзя было бы сравнить ни с полетом сокола, ни с бегом волка. Для конных Гзы и Кончака эти заросли были недоступны и днем. Только тревожное стрекотание сорок, карканье ворон и крики галок могли бы выдать половецким ханам беглецов. К счастью, эти птицы молчали, а пение соловьев да стук дятлов создавали картину спокойного весеннего утра. В итоге погоня кончилась для половцев неудачей. И ханы стали совещаться о том, чем обезвредить побег из плена опасного врага.

В целом картина бегства Игоря и возвращения его на родину представляется нам следующим образом. Мысли о родине, о доме, о жене у Игоря вызвали страстное желание бежать из плена. Князь принял предложение полуполовчанина Овлуря быть проводником в Новгород-Северскую землю. Заговорщики ждали только благоприятной погоды. В конце весны установилась ясная, сухая погода. Днем с моря к берегу шли смерчи, под ними волновалось море, вверху их венчали тучи. Смерчи шли к северу, как бы указывая Игорю путь в родную землю. В условный день, когда погасла вечерняя заря, Игорь, несмотря на то, что до полуночи оставалось много времени, не мог уснуть. Он ясно представлял себе трудный длинный путь от Дона до Донца, откуда недалеко было до Новгород-Северской земли. В полночь кони были приготовлены. Овлур за рекой издал условный свист. Игорь побежал к реке, а в половецком стане поднялась тревога. Князь с ловкостью горностая вскочил в тростник, с легкостью гоголя переплыл через реку, вскочил на коня и беглецы понеслись. Соскочили с загнанных коней и побежали к лесу, находившемуся в долине Донца. С быстротой сокола бежал князь, попутно добывая нелетных гусей и лебедей, чтобы пропитаться ими в течение дня. Начав бегство в полночь, в дальнейшем переходы делали днем, выходя на рассвете. Овлур шел впереди, принимая на себя „студеную росу“. Ведь они загнали своих быстрых лошадей.

Добрались до Донца. Здесь было безопасней. В тени деревьев прятались от возможной погони. Когда опасность казалась далекой, Игорь купался или отдыхал на траве на берегах реки. Отдыхая, зорко следили за поведением птиц на реке. Птицы как бы стерегли беглецов. Чуткие гоголи и чернети, увидя людей, приближающихся к реке, взлетели бы, а чайки встретили бы нарушителей покоя пронзительным криком. Донец, казалось, приветливо принял беглецов. Вспомнилась река Стugna, в которой, несмотря на незначительную глубину ее, в устье вблизи Днепра, утонул юный князь Ростислав.

Однажды беглецам почудилось как бы стрекотание сорок, но это были не птицы, а Гза и Кончак, ехавшие по следам Игоря. К счастью,

в этих местах не было сорок, ворон и галок, которые своими криками могли бы выдать спрятавшихся беглецов. Ползали только полозы, а стук дятлов служил приметой близости реки. Это случилось на рассвете, когда пение соловьев как бы предвещало восход солнца.

Беглецы не были обнаружены. Разочарованный неудачей, Гза предложил Кончаку за побег „сокола“ (Игоря) расстрелять стрелами „соколича“ — сына Игоря, Владимира, оставшегося в плену. Кончак же советовал обвенчать „соколича“ с „красной девицей“ (Кончаковной). Гза ответил, что если женить „соколича“ на „красной девице“, то не будет у половцев ни „соколича“ ни девицы, а „птицы“ (т. е. русские) будут бить половцев на их земле.

2. Сон Святослава и его толкование

Одно из „тёмных мест“ „Слова о полку Игореве“ — сон, правильное сновидение Святослава, уже давно привлекает внимание исследователей. Еще первые авторы, работавшие над оригиналом „Слова“, пытались выяснить смысл Сна в целом и значение географических названий: Пльсьнска, дебри Кисаню, болони.¹ В. В. Капнист, как это видно из недавно опубликованного материала,² еще в первое десятилетие прошлого века приложил много усилий к тому, чтобы выяснить перечисленные выше географические названия. В отличие от первых исследователей он искал разгадку этих слов не вдали, не в Галицком княжестве, а в центре Киевской Руси, в Киеве. Однако несмотря на то, что истекло 150 лет от начала работы над „Словом“, несмотря на усилия нескольких поколений ученых, смысл Сна Святослава и в наше время не может считаться достаточно выясненным. Об этом свидетельствует хотя бы то, что для объяснения одного только слова кнѣзь потребовалась большая статья;³ еще больше говорят о нашем лишь относительном понимании этой части „Слова“ переводы как старые, так и новейшие.

Только первая половина Сна, в которой перечислены зловещие предзнаменования, грозившие бедой Святославу, возможно его роду-дому („терему златоверхому“), объясненная достаточно полно еще первыми исследователями, нам понятна. Что же касается конца Сна, его зрительно-слуховой части, изложенной в I издании так: „Всю ночь съ вечера бусови врани взграяху, у Пльсьнска на болони бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю“, — в которой речь идет о дурном предзнаменовании для всего государства, то она, если и не стала

¹ Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ и т. д. 1800, стр. 23, 24.

² Д. С. Бабкин. „Слово о полку Игореве“ в переводе В. В. Капниста. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст. Инст. русск. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. 1950, стр. 320—399.

³ М. П. Алексеев. К „Сну Святослава“ в „Слове о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., стр. 226—249.

темнее, то и не прояснилась. А между тем еще В. В. Капнист удивительно просто и правдоподобно перевел это место: „всю ночь с вечера бусовы вороны каркали у Пленска на выгоне, усевшись в дебри Кисановой, и не сошли к синему морю“.¹ Позже М. А. Максимович² трактовал это место реалистически, а за ним Д. Дубенский предложил тоже довольно правдоподобный перевод: „Всю ночь с вечера бесовы бороны каркали у самого Плесньска на выгоне были дебри Кисаня, а я, будто бы, не в силах его прогнать к синему морю“.³

Местоположение болони в пойме Днепра под Киевом было указано еще в первом издании. В. В. Капнист предложил гипотезу о том, что Плесньск „селение за Подолом, за Кириловский монастырь продолжающееся, и ныне называется Плоское“.⁴ Путем переписки с киевским губернским почтмейстером И. С. Бажановым, упомянутый исследователь пытался выяснить значение слов Плесньск и дебрь Кисаня.⁵

После этих реалистических толкований и стремлений наступил период искажения „темного места“. Макушев⁶ предложил „дебрь Кисаню“ первого издания читать „дебрские сани“, „не сошлю“ заменили „не сошася“. Удивительно, что эти необоснованные толкования нашли многих последователей и удержались в литературе свыше 80 лет до настоящего дня. Как только ни переводили „дебрь Кисаню“: то — змеи, то лесные змеи, то змеи ущелий, то похоронные сани! Значительный вред правильному толкованию Сна принесло сообщение Р. Заклинского,⁷ будто бы им найдена вблизи Плеснисько в Золочевском повите на Львовщине „дебрь Кисаню“. Это сообщение как бы подтверждало предположение первых исследователей, искавших Плесенск в Галицком княжестве. Однако вскоре Ив. Франко (1906) высказал сомнение в правильности сообщения Р. Заклинского, а Щурат (1907), побывав в указанных местах, решительно опроверг существование „дебри Кисаню“ в Золочевском повите.

К правильному толкованию Плесенска возвратился А. В. Лонгинов.⁸ Повидимому, независимо от В. В. Капниста, он пришел к заключению, что Плесенск находился под Киевом „на болони у озера Ерданского“. Подвергнув пересмотру высказывания по поводу дебри Кисаню и Плесенска, автор этих строк пришел к выводу, что дебрь Кисаню — искажение дебри Кияни, находившейся в овраге, по которому

¹ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 338.

² Песнь о полку Игореве. ЖМНП, 1836—1837.

³ „Слово о полку Игореве Святослава песнотворца старого времени“, 1844, стр. 123.

⁴ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 375.

⁵ Там же, стр. 321 и 323.

⁶ Рецензия на 1-е изд. „Слова“. ЖМНП, 1867, цит. по В. Перетц: „Слово о полку Игоревім“, стр. 259.

⁷ Пояснения одного темного місця в „Слові о полку Игоревім“. „Діло“, Львів, 1906, стр. 45.

⁸ „Слово о полку Игореве“. Одесса, 1911, стр. 70.

протекал ручей Киянь, бравший свое начало в недрах Киевской Горы в северо-западной части Старого города. Дебрь была расположена вблизи Плесенска, называвшегося позже Плоским или Плеским, и подходившая с востока к р. Глубочице. В середине XIX в. Плоское было переименовано в Плоскую часть. Болонью, впоследствии Оболонью, когда-то называлось пространство между валами — защитными сооружениями по обеим сторонам нижнего течения р. Глубочицы.¹ Не зная, тогда еще неопубликованного, толкования Плесенска, предложенного В. В. Капнистом, я, признавая Плесенск Плоским, однако, в отличие от Капниста и А. В. Лонгинова, передвинул это древнее урочище на 2—4 км к р. Глубочице, к нынешней улице Нижнему и Верхнему валам.

Дебри — лесные заросли по оврагам, как это видно на плане древнего Киева, окружали его со всех сторон. В сочетании с оврагами, реками и ручьями и обрывистыми склонами холмов, дебри являлись естественным защитным кольцом вокруг важнейшей крепости Киевского государства — Киева, собственно его центральной части Горы. В доказательство того, что в XII в. по р. Кияни, или Киянке, как ее называли позднее, рос густой лес, можно привести ряд косвенных свидетельств. Вдоль ручья (может быть речки), в древности расположены были поселки ремесленников: Гончары, Кожемяки,² Дегтяры. Для того чтобы гнать деготь и смолу, нужна была значительная площадь леса, состоящего преимущественно из берез и сосен. Для обжига гончарных изделий и кирпича тоже требовался лес. Кожевникам (кожемякам) нужна вода для предварительной обработки кож, дубовая кора — для дубления и деготь для окончательной обработки грубой кожи. Очевидно все условия были благоприятны для существования поселков ремесленников в овраге под Киевской Горой, вне защищавших ее стен. Теперь эти древние названия: Кожемяки, Гончары, Дегтяры, Киянка, Глубочица сохранились лишь в названиях улиц.

Древесные заросли поселения кожемяк, занимавшихся обдиранием кож воловьих, лошадиных и козлиных³ и их выделкой, привлекали большое количество серых ворон и воронов. Еще недавно эти птицы во множестве водились на окраинах города, особенно вблизи кожевенных заводов, на полях орошения и около так называемого утилизационного завода, т. е. мест, где сдирают шкуры с павших животных. В прошлом вороны были естественными санитарами окрестностей населенных мест.

Итак, вороны были многочисленны в дебри Кияни под Киевской Горой.

Гениальный наблюдатель, автор „Слова“ знал, что в снах част отражаются наши прежние переживания и впечатления. В тревожные

¹ Дебрь Кисаню — дебрь Киянь. Сб. иссл. и ст., 1950, стр. 209—211.

² Н. За к р е в с к и й. Описание Киева, 1868, ч. II, стр. 272 и др.

³ Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло. История культуры древней Руси, 1948, стр. 149.

годы княжеских междоусобиц, в постоянном страхе перед возможным нападением врагов — естественно возникала мысль о смерти, о гибели окружающего. Одна из центральных фигур „Слова“ Святослав Киевский, по замыслу автора, выразил в своем зрительно-слуховом „мутном сне“ — кошмаре тревоги переживаемого странюю времени. В Сне Святослава упоминается крик ворон в течение всей ночи. Ночной грай ворон происходит тогда, когда на спящих птиц нападает хищник, чаще всего их злейший враг филин. Филинов, по-местному пугачей, в оврагах и густых лесах вокруг Киева в древности жило, надо полагать, немало. Нападение на ворон куницы тоже вызывает крики и смятение в среде собирающихся во множестве на ночевку птиц. Почему же крики серых ворон, по замыслу автора „Слова“, взволновали во сне Святослава не меньше, чем предзнаменования его собственной смерти, чем „черная паполома“, горькое вино (возможно отравленное), крупный жемчуг, крыша без князька?

Если вспомнить, что в „Слове“ метафоры построены на реальной почве, то нетрудно догадаться, почему вороний грай составляет, по-видимому, самую важную, заключительную часть тяжелого сна. Воробы, преимущественно серые — бусови враны, как известно, в „Слове“ являются уподоблением половецкого войска. Когда Святославу приснилось, что он слышит под стенами города карканье ворон, то это означало, что враги-половцы подошли вплотную к крепости — Горе, резиденции князя, местожительству его семьи, дружины, духовенства. Враг подошел долиной Кияни или Киянки и сосредоточился в густом лесу. А по этой долине, удоьем Гончаров и Кожемяк, проходила единственная дорога с Подола на Гору. Крутой Боричев взвоз, по которому ехал к Пирогощей Игорь, мало пригоден даже для проезда верхом. Андреевский спуск открылся лишь в начале XVIII в.¹ Бывшая Александровская улица (ныне ул. Кирова), проложена с Подола на Крещатик еще позже, в начале XIX в. До XVII в. здесь была, по плану Н. Закревского, только „стежка“,² т. е. тропа.

Появление врагов в дебри Кияни означало, что они (враги) одолели несколько защитных линий вокруг Киева, перешли Днепр где-то вблизи Вышгорода или Чертороя, как это делали многие князья и степняки, нападавшие на Киев. С северо-запада вышел на Болонь в 1095 г. половецкий хан Боняк;³ в 1139 г. тем же путем на Киев наступал Всеволод Ольгович; в 1161 г. Изяслав III перешел Днепр, стал на Болони в дозах.⁴ В разное время в этом направлении наступали хазары, печенеги, торки, берендеи, черные клобуки, половцы и

¹ Н. Закревский, ук. соч., стр. 172. — Его же План Киева от 988 до 1200 г. и Чертеж Киеву-граду, 1693—1695.

² Он же. План Киева от 1400 до 1660 года.

³ Дубенский, ук. соч., стр. 122 и В. Капнист.

⁴ Н. Закревский, ук. соч., стр. 343.

князя, стремившиеся овладеть „золотым киевским столом“.¹ С запада и северо-запада Киев не имел таких неприступных в то время естественных преград, какими он был окружен с остальных сторон. Значение местности к западу и северо-западу от Киева в древности было очень велико. Не напрасно Н. Закревский, впрочем несколько преувеличивая, писал, что „в целой России нет места столь упитанного кровью и костями“.² Значение местности в древнее и в более позднее время отчетливо видно на планах, составленных Н. Закревским и на оригинальном плане 1693—1695 года.

Приснившиеся Святославу половцы, чтобы попасть в долину Кияни, должны были преодолеть Днепр, валы вдоль Глубочицы и взять вал, замыкающий вход в долину Глубочицы между холмами Уздыхальницей и Щекавицей (по-местному Скавика), так называемый Копырев конец. Тогда только половцы могли выйти на дорогу, ведущую вдоль Кияни на Гору. Киянь брала свое начало в пределах укрепленного места Горы. Впоследствии ее исток был засыпан и застроен.³ Ручей, повидимому, снабжал водой важнейшую часть города и это увеличивало его значение. В долину Кияни можно было проникнуть и с запада по долине р. Глубочицы.

Слышанный Святославом во сне грай ворон, в иносказательном понимании — крики половцев под стеною крепости, в наименее защищенном месте, по замыслу автора „Слова“, должен был выражать наиболее тяжелую часть „мутного сна“. Положение Святослава еще усугублялось тем, что он „не сослал“,⁴ т. е. не имел сил для того, чтобы отогнать (сослать) ворон — половцев к Синему морю, в прилегающие к Азовскому морю степи, коренные места половецких кочевий. По замыслу автора „Слова“, бессилие князя, повидимому, явилось следствием поражения Игорева войска. В системе защиты государства образовался прорыв: „отворились Полю ворота“ на Русскую землю.

В таком толковании конец Сна Святослава должен быть переведен так: „Всю ночь с вечера ‘серые вороны (половцы) граяли (кричали) у Плесенска на болони, в дебри Кияни (а я не мог) сослать их к Синему морю“. Таков смысл этой, повидимому, слегка испорченной при переписках и при первом прочтении фразы.

Толкование Сна Святослава его боярами находится в полном соответствии с замыслом автора „Слова“. Все „зловещие предзнаменования“⁵ оправдались. Беда произошла потому, что два сокола (Игорь и Всеволод) попали в плен. Погасли два солнца, а с ними багряные

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Так и Ярославна плакала: „а бых не слала к нему слез“ и т. д.

⁵ О значении „зловещих предзнаменований“ в сне см.: В. Н. Перетц, „Слово о полку Игоревім“, Київ, 1926, стр. 256—259.

столпы (сын Владимир и племянник Игоря Святослав), а будущее двух „молодых месяцев“ Олега и Святослава (младших сыновей Игоря) заволось тьмой. И в этой части „Слова“ автор, верный своему приему брать материал для метафор из окружающей природы, для уподобления князей использовал наблюдавшиеся в 1185 г. перед битвой на Каяле астрофизические явления, известные под названием ложных солнц и лун.¹

Войско потонуло в море („езере“ Ипатьевской летописи). Половцы, насмешливо названные в Сне, повидимому, за звучание их говора для уха русских, „бусовыми вранами“ (подобно тому как речь Гзы с Кончаком напоминала стрекотание сорок), после победы над Игорем превратились в хищных гепардов, с присущей им кровожадностью и стремительностью набросились на Русскую землю. Дивы спустились на землю (т. е. сошли со своих вышек половецкие дозорные, так как надолго миновала опасность похода русских в землю Половецкую). Победа над Игоревым войском вызвала ликование среди восточных народов. Весть об этой победе встретили пением и готские девушки на побережье Азовского моря. Готы радовались, что отомщено поражение Шароканя, кроме того, они были посредниками половцев по продаже пленных, и большое количество пленных означало увеличение прибыли для готов.

Сон и его толкование — литературный прием автора „Слова“ для того, чтобы от частного — похода и поражения Игорева войска, перейти к общему — судьбе Руси, призывам к единению для отпора врагу. Эти части, как и все произведение, основаны на действительности. Эти части дают примеры частой в „Слове“ „поэтической лаконичности, ясной для современников и скрытой для поздних поколений“ (акад. А. С. Орлов).

3. Ковыль и поле

Под собирательными названиями в „Слове о полку Игореве“ упоминаются деревья, трава, тростие (тростник — *Phragmitis communis*), дубие (дубрава). Дубравы — характерный для первой половины пути Игорева войска растительный ландшафт. В этой же части пути, т. е. в лесостепной полосе и особенно во второй части — в степной полосе, по мере движения на юг, все чаще и чаще встречались открытые пространства, покрытые травянистой растительностью. Здесь, среди злаковых растений, обращали на себя внимание различные виды ковылей (*Stipa*). Ковыль для открытых пространств был столь же характерен, как и полозы, как дяблы для леса, чернети, гоголи и чайки для реки. Поэтому ковыль упомянут в „Слове“. Ярославна взывала к ветру: „Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?“

¹ Г. И. Имедашвили. „Четыре солнца“ в „Слове о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., 1950, стр. 221.

В местах, по которым шел Игорь со своим войском и где пребывал в плену, ныне встречается семь видов ковылей.¹ Не меньше видов произрастало здесь, надо полагать, в XII в., причем не все виды связаны с настоящей степью. Так, например, ковыль Иоанна (*Stipa Iohannis*) в настоящее время распространен до северного предела лесостепи и южной границы лесной полосы. Он встречается на песчаных холмах по опушке старого бора и субора Пуща-Водица — севернее Киева и на склоне правого возвышенного берега Десны у Чернигова. По правому берегу Десны ковыль Иоанна, повидимому, распространен и далее к северу: я встречал отдельные растения у с. Макошина, возможно, он доходит до меловых обнажений у Новгорода-Северского.

В наше время стебли ковыля с перистыми остями — „султанами“ женщины собирают в значительном количестве в апреле и мае и продают в городах сухие букеты для украшений. В давние времена, когда было больше целины, поросли ковыля, без сомнения, занимали большие площади.

Песчаные холмы к северу от Киева и крутой берег Десны у Чернигова нельзя назвать степью. В Бузулукском бору Чкаловской области перистый ковыль также растет на склонах оврагов и проникает вглубь тенистого леса.² Таким образом в обращении Ярославны к ветру в упоминании ковыля нет основания видеть степь. А между тем еще А. А. Потехня³ в своем комментарии к „Слову“ прямо говорит — „по ковылю стало быть по степи“. В. Перетц⁴ тоже говорит: „по ковилю — себ-то по степу“. К такому же ошибочному выводу в последнее время пришел В. В. Данилов,⁵ предложивший упомянутую выше фразу из плача Ярославны интерпретировать так: „зачем, господин, развеял ты мое веселие по ковылистой степи?“.

Автор „Слова“ нарисовал в своем воображении Ярославну на забороле, провожавшую Игоря в поход. Забороло было на ограде — „столпии“ на валу, окружавшем город-крепость.⁶ Склоны вала, повидимому, были покрыты травянистой растительностью. Вполне возможно, что среди этой растительности преобладал ковыль. То была не целина, а пустошь на насыпной земле. Перед валом за рвом вероятно была болонь. Вопреки приведенной В. В. Даниловым⁷ цитате из С. Н. Терпигорева-Атавы, ковыль растет не только на целине, но и

¹ Флора СССР, Изд. АН СССР, Л., т. II, стр. 84—112.

² В. Н. Васильев. Закономерности процесса смен растительности. Мат. по ист. флоры и растит. СССР. Изд. АН СССР, т. II, 1936, стр. 386.

³ „Слово о полку Игореве“, 2-е изд., 1914, стр. 139.

⁴ „Слово о полку Игореве“, 1926, стр. 308.

⁵ Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“. „Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и ст., 1950, стр. 205.

⁶ О древних валах см.: Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. Ист. культ. др. Руси, т. I, стр. 443.

⁷ Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“, стр. 204.

на распаханной земле, на старых перелогах и залежах, возобновляясь в течение длинного ряда лет после распашки.¹

Плачущая женщина на забороле и „струящийся мелкой серебристой зыбью“ ковыль ассоциировались в поэтической памяти автора „Слова“ и использованы им для чудесной строфы плача Ярославны.

Термин „степь“ в „Слове“ отсутствует. Его заменяет поле: чистое поле, широкое поле, безводное поле, дикое поле, просто поле. Из 12 упоминаний поля большинство относится к степи, некоторые — к народу, населявшему поле, — половцам. „Загородите полю ворота“!, — взывает к князьям автор, т. е. заградите степнякам путь.

В украинских народных песнях поле тоже очень часто равнозначуще степи. Так, например, в думе, датируемой 1575 г., у М. А. Максимовича,² читаем: „гей у полі там татары кочують, вечерю готують“. Встречаются строфы, в которых тождественное значение этих слов ясно выражено. Например в думе 1637 г. читаем: „а що як наши голови казацькі по степу — полю поляжуть“. Нетрудно увидеть древнее значение поля в старинной песне:

Ой у полі тирса шумить, катран зеленіє;
Ой у полі сама воля, а серце німіє.

Тырса (*Stipa capillata*) и катран (*Crambe* sp.) — типичные степные растения, на пахоте не растут.

Интересно отметить, что в большом польско-немецко-французском словаре XVIII в. слово „степь“ отсутствует, его заменяет поле.³

Приводимый в комментарии акад. В. Перетца⁴ перевод Т. Г. Шевченко слова „ковылие“ как „тырса“ нельзя считать правильным. Тырса выбрасывает свои малозаметные желтоватые ости в июле, тогда как Ярославна провожала мужа в поход в апреле, когда созревают ости перистого ковыля. Тырса не производит такого грустного впечатления, как покрытая белыми остями перистого ковыля степь. С. Т. Аксаков⁵ говорит, что ковыль „своим однообразием утомляет зрение, у иных производит головокружение и наводит какое-то уныние на душу“. Чувство печали или грусти и выражено в приведенной выше строфе плача Ярославны.

Ковылие — ковыли поданы в „Слове“ под собирательным названием, подобно тому, как и в наше время ботаники иногда говорят „ковыль-

¹ И. К. Пачоский. Целинная заповедная степь Аскания Нова. Сб. „Аскания Нова“, стр. 83.

² Украинские народные песни, 1834 г.

³ М. А. Трок. Nowy Dykcjonarz, to iest Słownik Polsco-niemiecko-francuzki. W Lipski. MDCC LXIV.

⁴ Ук. соч. „Слово о полку Ігоревім“, 1926, стр. 308.

⁵ Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 1909, стр. 235.

ники“. Впрочем нет никакой необходимости переводить ковылие, как ковыльники, правильное будет перевод: „зачем, господин, мое веселие по ковыли развеял“. Слово ковыль, повидимому, правильное склонять в женском роде. Это название и в народном украинском языке чаще всего звучит „ковила“. Часто применяемое переводчиками добавление к слову „ковыль“ слова „трава“, хотя и не является ошибкой, но излишне.
